

Ф. Л. Сеницын*

Буддизм в СССР: попытка обновления в 1920-х гг.

Обновленческое течение в буддизме возникло в первой трети XIX в., выступая как за «очищение» религии, так и за отделение буддийской конфессии от государства и ее некоторую «национализацию» (перевод на национальный язык буддийских религиозных сочинений) [13; 159–160, 163, 166]. Основой обновленческой программы было восстановление первоначальной чистоты буддийского учения, очищение от грубых суеверий, невежества, шарлатанства, стяжательства и других пороков, повышение культурного, образовательного и профессионального уровня духовенства, упрощение обрядности, синтез буддийских духовных ценностей с достижениями западной науки, культуры и техники, превращение буддийских храмов и монастырей в центры просвещения и образования [15; 207].

После революций 1917 г. обновленческое движение получило новый импульс. Один из руководителей буддийской общины Советской России Хамбо-лама Агван Доржиев искренне верил в возможность существования обновленного буддизма в структуре советских организаций на основе лояльности к новой власти. Обновленцы пытались перевести буддизм из ранга религии в явление культуры, «прибежище национального духа» [1; 83, 86]. Они основывали свою теорию на том, что Будда – это гениальный человек, ученый и мыслитель; буддизм – это не религия, а этико-философское учение, не противоречащее науке, материализму, коммунизму и марксизму, так как он основан на эмпирической этике, рациональном мышлении, а не на обрядовом поклонении богам [10; 135].

Обновленцы ожидали встречного понимания и поддержки от Советской власти [4; ф. 5263, оп. 1, д. 131, л. 11]. В рамках этих ожиданий Агван Доржиев вел борьбу с антирелигиозниками, выступавшими против буддизма, в том числе писал жалобы на безбожников в разные инстанции Советской власти. Он «требовал изменить содержание и методы антирелигиозной пропаганды», подчеркивая, «что следует бороться с пороками ламства, а не с религией как таковой; нужно улучшать религию, а не отрицать ее со-

* *Фёдор Леонидович Сеницын* – к. и. н., докторант Института российской истории РАН (г. Москва).

всем». Борьбу с буддийской религией Агван Доржиев расценивал как «невежество и непонимание огромной ценности буддийской философии» [5; 145]. Сохранение нормальных отношений между властью и буддийской конфессией Доржиев рассматривал как дело государственной важности.

В начале 1920-х гг. г. произошел окончательный раскол буддийского духовенства на сторонников реформ (обновленцев) и их противников (консерваторов). Состоявшийся в декабре 1925 г. 2-й бурятский буддийский собор завершился победой обновленческого крыла [1; 78–79]. Суть разногласий между обновленческим течением и консерваторами заключалась не только в споре по догматическим вопросам, но и, по сути, в признании или непризнании Советской власти. Многие ламы-консерваторы воздерживались от прямого выступления против Советской власти, поэтому их антисоветские настроения проявились в противостоянии обновленческому курсу «лояльности Советской власти». В Бурятии и Калмыкии происходили открытые столкновения между консерваторами и обновленцами. Обновленцев консерваторы именовали «коммунистами», «комсомольцами», наклеивали на их дома красные звезды, дополняя эти действия угрозами и террором [5; 99, 123, 127]. Ситуация осложнялась тем, что численность консерваторов была больше, чем обновленцев – в 1927 г. в Бурятии из 7 350 лам было 1 349 обновленцев (18,5 %), 2 261 консерватор (31 %), 100 «независимцев» (1,4 %) и 3 640 лам, не примкнувших ни к одному из течений; в Калмыкии из 1 441 лам – 576 обновленцев (40 %) и 865 консерваторов (60 %) [3; 48].

Всесоюзный съезд (собор) буддистов, проведенный в Москве 20–25 января 1927 г., фактически, являлся съездом обновленческого крыла буддийской общины. Собор, в первую очередь, принял резолюцию об объявлении консерваторам порицания за непринятие новой духовной реформы. Собор постановил «возбудить перед Правительством ходатайство сделать распоряжение о категорическом запрещении в пределах Бурятии и Калмыкии вообще создание тех или иных духовных обществ, побуждающих население к расколу, за исключением ныне созданного собором единого общества буддистов» [2; р. II, оп. 1, д. 373, л. 4, 23]. Таким образом, фактически легитимной признавалась только профессиональная организация обновленцев. Были приняты и другие решения, закрепившие усилия обновленцев по реформированию буддийской конфессии, в том числе – о запрещении мирянам участвовать в управлении религиозными делами и отмене института перерожденцев. В целом, Собор закрепил победу обновленцев «во всесоюзном масштабе» [1; 81], что привело к усилению их позиций на местах.

Реакция властей СССР на наличие разных течений в буддийской конфессии менялась со временем. В первые годы после Октябрьской революции власти отмечали, что начался «процесс приспособления религии», «ламаизм начал обновление по всему фронту» [11; 176]. Это течение вначале воспринималось, в целом, положительно, поэтому государство свои симпатии отдавало обновленцам, хотя и было заинтересовано во вражде между течениями [6; 87] с целью углубления раскола буддийской конфессиональной организации. Обновленческое движение рассматривалось властями как «временная остановка при переходе трудящихся масс от религии к безбожию» [3; 49].

Пропагандисты пытались представить обновленческое движение как массовое явление, инспирированное Октябрьской революцией. Очевидно, такое утверждение было выгодным для власти – показать, что даже такой древний и консервативный религиозный институт как буддийская конфессия под воздействием успехов Советской власти пришел к пониманию необходимости перемен. Пропагандисты отмечали, что в Бурят-Монголии обновленчество породило «в отдельных дацанах оппозицию в лице наиболее консервативных и зажиточных лам», при этом беднейшая часть лам «шла за обновленческим течением», так же как и большая часть населения [7; 37]. (Известно, что это было далеко не так.)

Впоследствии, с переходом к политике тотальной ликвидации буддийской конфессии в середине 1920-х гг., власть потеряла интерес к обновленческому движению, и восприятие ею всех течений в буддийской конфессии стало отрицательным. Мало того, в новых условиях обновленчество было признано течением, наиболее «вредным» для Советской власти [16; 54]. Поэтому все силы были брошены на противодействие обновленцам как наиболее прогрессивному и активному, и потому наиболее опасному для властей, течению в буддийской общине.

С 1929 г. обновленцы, наряду с представителями других течений в буддийской конфессии, попали под нажим со стороны властей, связанный, прежде всего, с форсированием коллективизации. Поэтому с конца 1920-х гг. противостояние течений внутри буддийской общины сошло на нет. Лидер обновленцев Хамбо-лама Агван Доржиев начал бороться за прекращение раскола в буддийской конфессии во имя ее сохранения [1; 82, 84].

Директивным письмом о мероприятиях по усилению борьбы с ламством, изданным Бурят-Монгольским обкомом ВКП(б) в 1931 г., предписывалось использовать «кризис ламаизма и внутреннюю борьбу внутри самого ламства» [9; ф. 17, оп. 21, д. 592, л. 117, 120]. Обновленческое движение получило ярлык «приспособленческого крыла» буддийской общины. Хамбо-лама Агван Доржиев был об-

винен в «заигрывании с Советской властью, с партией, вплоть до “признания” правильности коммунистического учения» [8; 61].

Как показал ход событий, обновленцы ошибались в своих надеждах на Советскую власть – в частности, на то, «что с ликвидацией национального неравноправия во всех областях начнется... покровительство национальной религии» [5; 146], т. е. буддизму. К 1930 г. Советская власть уже не считалась ни с какими прогрессивными течениями в буддийской общине [6; 90]. Хотя в советской историографии утверждалось, что «раскол и межгрупповая борьба... ускорили процесс распада ламства» [14; 12], очевидно, что причиной ликвидации буддийской конфессии в конце 1930-х гг. стал не раскол буддийского духовенства, а жестокие репрессии со стороны властей.

Таким образом, обновленческое движение в буддизме потерпело неудачу как в своем стремлении реформировать буддийскую конфессию, так и в реализации попытки повысить статус буддийской конфессии в Советском государстве. Причинами этой неудачи были, во-первых, внутренние недостатки обновленчества – отрицание некоторыми его идеологами самобытности российского буддизма, стремление воссоздать первоначальный индийский буддизм, что отталкивало простой народ, а также раскол духовенства, который ослабил буддийскую конфессию и понизил ее авторитет в целом [12; 122]. Во-вторых, – внешние аспекты в виде начатой властями в конце 1920-х гг. кампании по тотальной ликвидации буддизма. Очевидно, вторая причина стала основной.

Положение обновленческого течения в буддийской конфессии было противоречивым – с одной стороны, это было здоровое начинание, направленное на улучшение внутреннего положения и имиджа буддийской конфессии; с другой – обновленцы, будучи удобными коммунистической, антирелигиозно настроенной власти, невольно стали ее орудием по разложению и последующему уничтожению буддийской конфессии.

Литература

1. Ангаева С. П. Буддизм в Бурятии и Агван Доржиев. – Улан-Удэ, 1999.
2. Архив Института восточных рукописей РАН (Архив ИВР РАН).
3. Всесоюзный съезд буддистов (обновленцев) // Антирелигиозник. – 1927. – № 3. – С. 48–49.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
5. Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930 гг.). – Улан-Удэ, 1964.

6. Дамдинов А. В. Агван Доржиев в обновленческом движении бурятского буддийского духовенства // Бурятский буддизм: история и идеология. – Улан-Удэ, 1997.

7. Ербанов М. Н. Строительство Красной Бурятии. – Верхнеудинск, 1925.

8. Климович Л. Социалистическое строительство на Востоке и религия. – М., 1929.

9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

10. Скрынникова Т. Д. Традиционная культура и буддизм в самоидентификации бурят // Религия и идентичность в России. – М., 2003. – С. 121–153.

11. Смирнов Н. Ламаизм на службе самодержавия и эксплуататоров // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет: 1917–1932. – М., 1932. – С. 173–176.

12. Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России: Традиции и конфессиональный статус // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Серия : Социально-экономические науки и искусство. – 2009. – № 3. – С. 37–40.

13. Фролова Д. Б. Обновленчество в Бурятии // Буддизм в Бурятии: Истоки, история, современность. – Улан-Удэ, 2002. – С. 159–167.

14. Цыбикжапов В. Б. Ламаизм в Бурятии. Опыт этно-социологического анализа : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1978.

15. Шантаев Б. А. История школы Карма-кагью в Калмыкии // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. – М., 2008. – С. 201–214.

16. Шучинов Э. Антирелигиозная работа в системе партпросвещения // Калмыцкая степь. – 1928. – № 8–9. – С. 53–55.